

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ
Елабужский ИНСТИТУТ

Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности

Сборник научных статей
по материалам
VIII Международных
Стахеевских чтений

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Елабужский институт

Сборник научных статей по материалам
VIII Международных Стахеевских чтений

Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности

16-17 ноября 2017 г.

Елабуга 2017

УДК 94(470)+069.01+33+1
ББК 63.3(2)+79.1+65+87
Р76

Печатается по решению Редакционно-издательского
Совета Елабужского института КФУ
Протокол № 16 от 23.11.2017

Редакционная коллегия:

Мерзон Е.Е. – кандидат педагогических наук, доцент, директор Елабужского института КФУ

Разживин А.И. – кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы Елабужского института КФУ

Маслова И.В. – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ

Крапоткина И.Е. – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ

Бурдина Г.М. – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ

Насырова Л.Г. – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ

Р76 Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сб. науч. ст.: Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16-17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. – Елабуга, 2017. – 428 с.

Сборник содержит доклады и тезисы выступлений участников VIII Международных Стахеевских чтений, прошедших 16-17 ноября 2017 г. в Елабужском институте Казанского (Приволжского) федерального университета.

В научном форуме приняли участие представители деловых и политических структур, учёные, музейные работники, молодые исследователи, сфера научных интересов которых связана с проблемами социально-экономического, общественно-политического, историко-культурного развития малого и среднего города России.

Издание представляет интерес для профессиональных исследователей и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-600-01962-1

Мнения, высказанные в докладах, отражают личные взгляды авторов и необязательно совпадают с мнением редакционной коллегии.

При использовании информации, представленной на страницах сборника, ссылка на издание и авторов обязательна

ISBN 978-5-600-01962-1

УДК 94(470)+069.01+33+1
ББК 63.3(2)+79.1+65+87

© Елабужский институт КФУ, 2017 г.
© Бурдина Г.М., 2017 г.

РЕГИОНАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (ПО ИТОГАМ АНКЕТИРОВАНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ БЕЛЁВА И СТАРИЦЫ)

Ямсков А.Н.

ИЭА РАН, г. Москва

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00274 (рук. – Н.И. Григулевич).

Аннотация. Анкетирование школьников 11-х классов в малых городах Белёве Тульской области и Старице Тверской области показало, что в ответах на открытый вопрос о территориальной самоидентификации подавляющее большинство из них демонстрирует приоритет регионального (областного) самосознания при значительной роли общероссийской идентичности. Однако при ранжировании значения разных уровней идентичности и возможности выбора локальной (городской и/или районной), последняя становится столь же важной, как и региональная, в Белёве, и лишь незначительно уступает региональной (областной) территориальной идентификации в Старице.

Ключевые слова: малые города, территориальная идентичность, молодёжь, региональная (областная) самоидентификация, локальная (районная) самоидентификация.

REGIONAL AND LOCAL SELF-IDENTIFICATION OF POPULATIONS IN MINOR TOWNS OF CENTRAL RUSSIA (BASED ON QUESTIONNAIRES OF 11TH-GRADE HIGH SCHOOL STUDENTS)

Yamskov A.

Abstract. Questionnaires of 11th-grade high school students in minor towns Belyov (Tula region) and Staritsa (Tver' region) demonstrate that, when confronted with the open question about their territorial self-identity, the vast majority opt for identification with the respective region, while a considerable part of students identifies themselves with Russia as a whole country. Nevertheless, when asked to rank their various territorial identities on the basis of its importance and provided with a choice of a local (town and/or corresponding rural district) identification as well, the latter has become as important as the regional one in Belyov and nearly so in Staritsa.

Key words: minor towns, territorial identity, the youths, regional (provincial) self-identification, local (town, district) self-identification

Исследования регионального и локального самосознания (т.е. соответствующих уровней пространственной идентичности) русского населения России достаточно широко развернулись в нашей стране в последнее десятилетие, в основном, усилиями отечественных географов. Особенно большую роль в этой области сыграли работы М.П. Крылова [1].

В сфере территориального самосознания (пространственной самоидентификации) населения России можно выделить следующие уровни: государственный (житель России, или россиянин), региональный (идентификация себя с территорией области или республики в составе Российской Федерации), локальный (чувство причастности к отдельному городу или сельскому району в составе области/республики РФ), местный (психологическая привязанность к части города или района, группе деревень). Первый из них, т.е. общегосударственный уровень, практически сливается с гражданской (национально-государственной, или собственно «национальной» в западном понимании данного термина) идентичностью, и потому его вряд ли целесообразно рассматривать в отрыве от последней. Напротив, для понимаемых указанным образом региональной, локальной и местной составляющих самосознания человека, на первый план выходит именно чувство его сопричастности к соответствующей территории и, не в меньшей степени, к её жителям. Иными словами, за территориальными аспектами идентичности стоят не только и не столько собственно пространственные составляющие самосознания (идентичности), но и социальные – чувства принадлежности к местным, локальным и региональным сообществам, т.е. населению соответствующих территорий.

Предварительно стоит отметить, что Белёв (Тульская область) и Старица (Тверская область) являются историческими городами Центральной России в полном смысле этого слова. Оба города были столицами княжеств в соответственно XV-XVI и XVI вв., оба с конца XVIII в. являлись центрами одноименных уездов Тульской и Тверской губерний, а с 1920-х гг. – районными центрами данных областей. В обоих этих случаях территории уездов, равно как и бывших княжеств, существенно превышали современные площади Белёвского и Старицкого районов. С 2011 г. Белёвский район входит в состав отдельной Белёвской епархии Тульской митрополии Русской Православной Церкви, объединяющей его с рядом соседних районов Тульской области. Старицкий район – часть Тверской

епархии Тверской митрополии [2]. Имели место сложные исторические перипетии с границами и принадлежностью уездов: в XVIII в. Белёв одно время относился к Орловской провинции, а Старица побывала в составе Смоленской и Новгородской губерний. После начала 1920-х гг. менялись границы обоих районов. Всё это в итоге привело к тому, что, по авторитетному мнению М.П. Крылова, указанные города не входят в центральные части Тульского и Тверского «исторических краев». Так, с точки зрения проведенного им «историко-географического анализа», ядром Тульского края являются Тула, Богородицк, Епифань и их окрестности, а ядром Тверского края – Тверь, Зубцов и Кимры с окрестностями [1, с. 99-101]. Таким образом, в Белёве и Старице сложились всевозможные исторические предпосылки для заметного проявления локального (городского и/или районного) уровня территориального самосознания у местных жителей.

В рамках проекта «Население малого русского города в XXI в.» в середине-конце сентября 2017 г. автор провёл анкетирование школьников 11-х классов в городах Белёв и Старица для выявления значимости для них различных уровней территориального самосознания. В Белёве анкеты были получены от 48 человек из 62 одиннадцатиклассников города (случайная выборка 77%), в Старице – от 39 старшеклассников из 58 учащихся 11-х классов в школах города и непосредственно примыкающего к нему селения Ново-Ямское, где тоже учатся преимущественно горожане (выборка 67%). Полученные случайные выборки вполне можно считать репрезентативными. Также было проведено анкетирование 5 человек в Белёве и 10 человек в Старице из числа учителей и сотрудников городских администраций, т.е. местных жителей преимущественно старшего, а также среднего возраста, как правило, с высшим или средним специальным образованием.

Использованная авторская анкета включала три блока вопросов: о том, как респондент назвал бы ту территорию, частью которой является соответствующий город и район; какие соседние районы и города населяют люди, которые исторически и по культуре наиболее близки респонденту и жителям его города и района; как респондент ранжирует по значимости для себя идентификацию с россиянами (гражданами РФ), русскими (или лицами иной национальности, с просьбой указать таковую), жителями соответствующей области, населением данного города и района (всего 4 варианта для ранжирования). В Белёве единственный школьник не ответил ни на один из вопросов этой анкеты, 75% ответили на все вопросы и ещё 23% – на часть вопросов, так что далее ответы респондентов из данного города соотносятся с массивом из 47 полностью или частично заполненных анкет. В Старице полностью ответили 85% респондентов-старшеклассников и частично – 15% учащихся (из всего 39 человек).

На вопрос о том, частью какой именно территории является город и район проживания респондента, не ответили 5% учащихся в Белёве и 8% в Старице. Среди ответов абсолютно преобладает указание соответствующей области (по 64% респондентов в каждом из этих городов), и ещё 6% в Белёве и 15% в Старице указали название своей области и России в целом. Таким образом, для 70% белёвцев и почти 80% старичан приоритетным или весьма значимым является региональный уровень территориального самосознания. Центральную Россию в данном контексте назвали 1 человек в Белёве и 10% (4 человека) в Старице, включая одного респондента, указавшего Тверскую область и Центральную Россию вместе. Только Россию указали 15% белёвчан и один человек в Старице. Наконец, один старшеклассник в Белёве ответил «Тульская земля», привнес тем самым толику историзма и выйдя за рамки современного административного деления территории Российской Федерации.

Для сравнения, среди заполнивших анкету учителей и сотрудников администрации в Белёве один человек не ответил на этот вопрос, один назвал Центральную Россию и три человека – Тульскую область. В Старице из этого же контингента не ответили два человека, четыре человека указали Тверскую область и два человека – Тверской «край», а из двух знатоков прошлого родного края (историка и краеведа) один указал Тверскую «землю» и один – Старицкий «уезд». То есть в Старице среди старшего поколения, в т.ч. и тех, кто не занимается специально историей своего края, имеет место выход за пределы современной номенклатуры административной сетки деления страны. Однако и для них, исключая единственного краеведа, приоритетной формой территориального самосознания тоже является региональное (областное).

Если первый вопрос анкеты продемонстрировал абсолютное преобладание регионального (областного) уровня территориального самосознания у современных школьников при заметном значении для них общегосударственного уровня и полном отсутствии проявлений локальной пространственной идентичности, то ответы на последний блок вопросов существенно уточняют и отчасти даже меняют эту картину. При ранжировании различных уровней идентичности с точки зрения их значимости для респондентов, у последних появилась возможность фактически сопоставить относительные значения локального (городского и/или районного) и регионального (областного) уровней идентичности. Так, среди учителей и работников администрации в Белёве один человек

не ответил на эти вопросы, четыре поставили региональную идентичность выше локальной, а один отдал приоритет локальному белёвскому самосознанию над областным уровнем пространственной идентификации. В Старице из этой категории респондентов также один человек не ответил, пятеро отдали приоритет областной (тверской) идентичности, а четверо – локальной (старицкой). То есть у представителей старшего поколения, особенно в Старице, локальный уровень самосознания хорошо выражен и даже иногда выступает как более значимый в сравнении с региональным (областным) уровнем территориальной идентичности.

Среди школьников в Белёве совсем не ответили на этот блок вопросов 3 человека, и далее расчёты идут относительно 44 ответивших, из которых, однако, ответы 6 человек (15%) являются неполными и именно эту часть проблемы (т.е. относительное значение локального и регионального уровней самосознания) не раскрывают. Оставшиеся полные ответы разделились точно поровну: 19 учащихся (43% респондентов) ранжировали значение «ощущения» себя «белёвцами (жителями Белёва)» выше чувства принадлежности к «тулякам (жителям Тульской области)». Другие 19 человек, напротив, отдали предпочтение региональному (областному) уровню идентификации как более важному в сравнении с локальным (районным и/или городским). В Старице 12 человек (31% респондентов) дали неполные ответы, не раскрывающие обсуждаемую проблему. Среди полностью ответивших старшеклассников 13 человек (33% учащихся) отдали приоритет идентификации себя как «старичанин (житель Старицы)» по сравнению с «тверичанин (житель Тверской области)». Другие 14 человек (36% респондентов), наоборот, придали варианту областной территориальной идентификации более высокий ранг в сравнении с городской или районной самоидентификацией.

Следует также уточнить, что варианты ответов для ранжирования перечисляются в анкете от самого обобщающего (россияне) через более общий (русские или представители иной национальности) к более частному (жители области) и ещё более частному (жители города/района). Так что при заполнении анкеты, в случае неуверенности или нежелания респондента особенно вдумываться в эту её часть, ему/ей было проще всего придать более высокий ранг региональному (областному) уровню идентичности. Данная особенность построения вопросов и контекста анкеты, т.е. присущий ей некий стимул завышать значимость регионального уровня идентичности в сравнении с локальным, несомненно сказалась на приведенных выше цифрах. Тем интереснее и важнее полученные результаты, судя по которым, локальный (городской и/или районный) вариант территориальной самоидентификации для старшеклассников Белёва столь же важен, как и региональный (областной), а среди учащихся в Старице лишь немногим уступает последнему.

Для оценки особенностей локального и регионального самосознания старшеклассников Белёва и Старицы представляет также интерес, кого именно они считают наиболее близкими «по своей истории, культуре» к жителям их собственных городов и районов. В этом плане консолидированной позицией юных жителей выделяется Старица, в которой только 10% респондентов проигнорировали данный вопрос, а другие назвали соседние города и районы Тверской области: г. Ржев и Ржевский район (64% респондентов), г. Торжок и Торжокский район (26% ответивших) и Зубцовский район (18% учащихся). Другие ответы набрали существенно меньше голосов, т.е. «почти земляками» школьники-старичане в основном считают своих непосредственных соседей, проживающих в той же части Тверской области. В Белёве не ответили на данные вопросы 13% учеников, а остальные чаще всего упоминали соседние Одолевский район (43% респондентов) Тульской области, а также г. Козельск и Козельский район Калужской области (21% ответивших) и г. Болхов и Болховский район Орловской области (19% учащихся). Как и в Старице, старшеклассники Белёва своими ответами очертили компактный ареал проживания тех, кого они считают почти земляками. Но при этом белёвцы в массе своей вышли за границы собственной Тульской области, включив в ареал «своих» или «близких» также соседей из Орловской и Калужской областей.

Итак, анкетирование учащихся 11-х классов Белёва и Старицы показало, что для молодёжи этих малых городов Тульской и Тверской областей свойственны как региональная (областная) пространственная самоидентификация, так и локальная (районная и/или городская). Правда, в случае практически прямого открытого вопроса, в ответах старшеклассников явно господствует первый из этих уровней территориального самосознания при достаточно высокой доле тех, кто идентифицирует себя с Российской Федерацией в целом. Но когда тем же самым учащимся было предложено ранжировать различные уровни пространственной самоидентификации по относительному значению последних, и при этом была дана возможность выбирать уровень локального (районного и/или городского) территориального самосознания, то оказалось, что для юных белёвцев и старичан значимость самоощущения себя жителями соответствующего города и/или района практически равна идентификации с жителями данных областей.

Проведённое в Белёве Тульской области и в Старице Тверской области изучение относительной выраженности регионального (областного) и локального (городского/районного) уровней тер-

риториальной идентификации населения посредством анкетирования старшеклассников является первым, пробным этапом осуществления данного проекта. Изложенные выше факты и выводы имеют предварительный характер и, вполне возможно, будут уточнены и дополнены по итогам изучения этой проблемы в последующие годы.

Список литературы

1. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
2. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/organizations/> (дата обращения 17.10.2017 г.)